

КРИЗИС 2008 ГОДА: СТРУКТУРНЫЕ УРОКИ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ¹

Д. АСЕМОГЛУ,

*профессор прикладной экономики, Массачусетский
технологический институт (США)*

Перевод А. А. Оганесян

Пока что мы не знаем, войдет ли глобальный финансово-экономический кризис 2008 года в историю как знаменательное или, вернее, исключительно катастрофическое событие. Неписаная история богата событиями, воспринимаемыми как эпохальные их современниками, но давным-давно позабытыми сегодня. С другой же стороны, многое из того, что происходило на ранних стадиях Великой депрессии, обусловило недооценку ее значимости. И хотя слишком рано говорить о том, как вторая половина 2008 года будет изображаться в исторических источниках, она, несомненно, знаменует ключевую веху в экономической науке. Эта веха связана с представившейся нам — я имею в виду большинство представителей профессии экономиста, к которому, к сожалению, принадлежу и я, — возможностью освободиться от определенных заблуждений, которым не стоило бы так безоговорочно следовать. Также я говорю о возможности несколько отвлечься и взвесить, каковы наиболее ценные уроки, усвоенные в ходе наших теоретических и эмпирических исследований — еще не потускневших в свете последних событий, — и задаться вопросом, могут ли они послужить руководством в текущих политических дебатах.

Данный краткий очерк, прежде всего, передает мое видение того, каковы совершенные нами интеллектуальные ошибки и извлеченные из них уроки, побуждающие нас двигаться вперед. Моя главная мысль, однако, заключается не в том, чтобы подробно описать интеллектуальные течения прошлого, а в том, чтобы подчеркнуть, что экономическая теория по-прежнему многому может научить и нас, и политических деятелей по мере поиска путей преодоления кризиса. Я склонен утверждать, что некоторые экономические принципы, связанные с наиболее важным аспектом экономической конъюнктуры, долгосрочным потенциалом национального роста, все еще справедливы и содержат важные уроки для наших интеллектуальных дискуссий и практических мер, касающихся политики. Но что удивительно, эти принципы сыграли незначительную роль в недавних научных дискуссиях, а в политических дебатах вообще не упоминались. Именно об этих принципах и последствиях определенной политики для потенциала экономического роста глобальной экономики мы, как ученые-экономисты, должны напоминать политикам.

Уроки нашей интеллектуальной услужливости

Кризис продолжает развиваться, и во многом сохраняется неопределенность относительно того, что произошло на финансовых рынках и внутри многих корпораций. Кое-что прояснится в течение последующих лет. Но уже наши сегодняшние знания позволяют пролить свет на многие источники текущих проблем. Просто большинство из нас не распознало их перед кризисом. Три заблуждения заставили нас пренебречь этими надвигающимися проблемами и их причинами.

¹ Я признателен Дэвиду Отору, Рикардо Кабальеро, Саймону Джонсону, Бенгту Холмстрому и Джеймсу Потерба за комментарии. Все высказанные в статье мысли являются моими собственными.

Первое заключается в том, что эпоха агрегированной волатильности подошла к концу. Мы были убеждены, что посредством дальновидной политики или новых технологий, включая усовершенствованные способы управления передачей данных и запасами, деловой цикл удастся преодолеть. Наша вера в более милостивую экономику вселила в нас оптимизм в отношении фондовой биржи и рынка недвижимости. Если любая контракция будет протекать более мягко и скоротечно, легче поверится в то, что финансовым посредникам, фирмам и потребителям не нужно будет беспокоиться из-за значительных падений стоимости активов.

Даже несмотря на то, что данные однозначно свидетельствовали о наличии отрицательной связи между величиной дохода на душу населения и волатильностью экономики, а множество исследований выявили заметное снижение агрегированной волатильности начиная с 1950-х годов и, разумеется, с довоенной эпохи, эти эмпирические схемы не подразумевали ни исчезновения деловых циклов, ни невозможности катастрофических событий в экономике. Те же самые изменения финансово-экономического характера, которые явились источником многоплановости современной экономики и обеспечили лучшую защищенность частных фирм, укрепили взаимосвязи между ними. Поскольку единственный способ диверсификации смешанных рисков заключается в разделении этих рисков между многими компаниями и индивидами, более полная диверсификация также породит множество контрагентских отношений. Такие взаимосвязи делают экономическую систему более устойчивой к незначительным потрясениям, так как новые финансовые продукты успешно справляются с диверсификацией широкого спектра смешанных рисков и смягчают коммерческие неудачи. Но они также делают экономику более уязвимой для событий особого рода, «маловероятных» событий, именно вследствие того, что наличие взаимосвязей, которые являются неизбежным следствием более масштабной диверсификации, потенциально создает эффект домино среди финансовых институтов, компаний и домохозяйств. В свете сказанного, наверное, нам не следует искать ничего удивительного в том, что годы экономического спокойствия могут предвещать бурные времена, сопровождающиеся значительной волатильностью.

Существует еще один аспект, согласно которому миф об исчезновении делового цикла противоречит фундаментальным характеристикам капиталистической системы. Как давным-давно утверждал Шумпетер, функционирование рыночной системы и составляющая ее смысл динамика инноваций в значительной мере влекут за собой созидательное разрушение, в ходе которого существующие фирмы, процедуры и продукты замещаются новыми. В значительной степени созидательное разрушение происходит на микроуровне, однако не только. Многие компании обладают крупными размерами, и пополнение основной сферы их деятельности новыми фирмами и новыми продуктами должно иметь масштабные последствия. Более того, многие универсальные технологии поделены между разными компаниями, относящимися к разным сферам деятельности, так что их потенциально возможный провал и замещение новыми процессами тоже будут, опять-таки, иметь последствия агрегированного характера. В равной степени важно, что коммерческие предприятия и индивиды принимают решения, руководствуясь несовершенной информацией, располагая возможностью обучения друг у друга и на основе прошлого опыта. Этот процесс обучения будет обеспечивать дополнительную корреляцию и взаимные изменения в поведении экономических агентов, что также расширит сферу созидательного разрушения с микро- до макроуровня.

Значительное падение стоимости активов, сопровождаемое банкротством многих компаний, должно просигнализировать нам о том, что агрегированная волатильность — это неотъемлемая характеристика рыночной системы. Понимание того, что эта волатильность будет нас сопровождать, должно переориентировать наше внимание на модели, способствующие формированию представлений о различных ее источниках и описанию элементов, имеющих отношение к эффективному функционированию

рынков, а также результатов рыночных провалов, которые бы можно было избежать. Более углубленное исследование агрегированной волатильности также требует концептуального теоретического изучения того, как влияет постоянно возрастающая взаимосвязанность экономической и финансовой системы на распределение ресурсов, а также размещение и распределение рисков как компаний, так и индивидов.

Наше второе слишком поспешно принятое на веру заблуждение состоит в уверенности, что капиталистическая система существует в вакууме, лишенном институтов, где рынки чудесным образом контролируют оппортунистическое поведение. Пренебрегая институциональными основами рыночного взаимодействия, мы ошибочно поставили знак равенства между свободными рынками и нерегулируемыми рынками. Хотя мы понимаем, что даже функционирование освобожденных от контроля конкурентных рынков основывается на совокупности законов и институтов, гарантирующих права собственности, обеспечивающих контроль выполнения контрактов, а также регулирующих поведение фирм и качество продуктов и услуг, мы в еще большей степени абстрагируемся от роли институтов и норм, регулирующих и опосредующих рыночное взаимодействие в нашей концепции рынков. Конечно, за последние 15 лет или около того институты обратили на себя больше внимания, чем раньше, но при этом мышление сосредоточивалось на необходимости изучать роль институтов в стремлении понять, почему бедные страны бедны, а не на исследовании природы институтов, обеспечивающих длительное процветание развитых стран и направления необходимых их изменений перед лицом постоянно эволюционирующих экономических отношений. В нашем пренебрежении значимостью институтов, содействующих рыночному функционированию, мы были единомышленны с политиками. Они были увлечены идеологическими концепциями, скорее почерпнутыми из новелл Аюна Рэнда, чем из экономической теории. И мы допустили, чтобы их политические принципы и красноречие задавали стандарты нашего мышления об окружающем мире и, что еще хуже, возможно, нашего политического консультирования. Оглядываясь на прошлое, нам не следует удивляться, что в отсутствие регулирования стремящиеся получить выгоду индивиды принимали на себя риски, в результате чего выигрывали, в то время как другие терпели убытки.

Теперь нам известно большее. Немногие из нас станут сегодня утверждать, что рыночный контроль достаточен для предотвращения оппортунистического поведения. Многие члены научного сообщества, а также те, кто находится за его пределами, могут усмотреть в этом слабое место экономической теории. Я категорически не согласен с таким умозаключением. Напротив, осознание того, что в основе рыночного функционирования — фундамент, заложенный институтами, — что свободные рынки и нерегулируемые рынки не одно и то же — обогащает и теорию, и практику. Сегодня мы обязаны начать построение теории рыночных трансакций, в рамки которой более органично вписывались бы аспекты, связанные с их институциональными основами. Мы обязаны также обратиться к теории регулирования — как фирм, так и финансовых институтов — с обновленной энергией и с надеждой на дополнительную прозорливость, приобретенную благодаря текущему опыту. Глубокий и важный вклад экономической дисциплины состоит в формировании понимания того, что стремление к наживе, абстрактно выражаясь, не хорошо и не дурно. Будучи направлено на максимизацию прибыли, развитие конкурентного поведения и инновационной деятельности под покровительством разумных законов и норм, оно может выступать двигателем инноваций и экономического роста. Однако, не будучи обуздано соответствующими институциональными регуляторами, стремление к наживе вырождается в рентоориентированное поведение, коррупцию и преступность. В обуздании жадности, которая так или иначе присуща многим в нашем обществе, и состоит наш коллективный выбор. Экономическая теория содержит указания, способствующие формированию правильной системы стимулов, соответствующей структуры вознаграждений и превращению ее в силу, содействующую прогрессу.

Ошибочность третьей концепции, также разрушенной недавними событиями, на первый взгляд менее очевидна. Я в числе тех, кто был убежден в ее справедливости. Наша логика и модели внушили нам, что, даже если мы не можем полагаться на индивидов, в особенности в случаях несовершенной информации в отсутствие регулирования, мы можем доверять долгое время существующим крупным фирмам — таким как *Enrons*, *Bear Stearns*, *Merrill Lynchs* и *Lehman Brothers* — в осуществлении контроля своей деятельности и своей собственности, потому что они накопили достаточно «репутационного капитала». Наша вера в крупные компании-должители пошатнулась, но по-прежнему сохранялась после финансовых скандалов, в которых были замешаны *Enron* и другие гиганты в начале 2000-х. Сегодня она может подвергнуться смертельному удару.

Наша убежденность в способностях организации к самоконтролю игнорировала две ключевые проблемы. Первая состоит в том, что даже в рамках фирм контроль должен осуществляться индивидами — генеральными директорами, менеджерами, бухгалтерами. И подобным же образом, как нам не следовало слепо доверять стимулам, заставляющим биржевых брокеров принимать на себя астрономические риски, претендентами на остаточные требования по коим они не являлись, так и не следовало полагаться на индивидов, контролирующих других индивидов, просто потому, что они являются частью более крупных организаций. Вторая трудность даже более проблематична для нашего мышления о мире: контроль за репутацией требует, чтобы неудачи сурово наказывались. Но ограниченность специфического капитала и ноу-хау означает, что такие наказания зачастую ненадежны.

Разумным аргументом в пользу финансовой помощи для преодоления последствий Краха-2008 служит то, что организации, безусловно ответственные за проблемы, свалившиеся на нас сегодня, нужно спасти, оказав им поддержку, потому что только они располагают «специфическим капиталом», способным выволочить нас из текущего затруднительного положения. Этот аргумент небезоснователен. Но он и не является уникальным, относящимся конкретно к текущей ситуации. Всякий раз там, где присутствуют стимулы к компромиссному сохранению целостности, к жертвованию качеством и к принятию на себя лишних рисков, большинство компаний будут осуществлять это сообща. А поскольку *ex post* вакуум в области специальных навыков, капитала и знаний, образующийся в результате наложения на них взысканий, задаст такой курс деятельности, который будет слишком затратным для общества, то все виды взысканий утратят свою эффективность и надежность.

Исходя из этой цепочки рассуждений уроки для нашего образа мышления являются двоякими. Во-первых, нам надо переосмыслить роль деловой репутации фирмы в рыночных транзакциях, принимая во внимание общее равновесие — переоценку их навыков и профессиональных знаний, сопровождаемую ослаблением репутации некоторых из них. Во-вторых, необходимо пересмотреть ключевые аспекты экономической теории организации, с тем чтобы деловая репутация фирмы стала производной их поведения — и взаимодействия — директоров, менеджеров и служащих, а не гипотетической максимизации принципом чистой текущей дисконтированной стоимости фирмы.

Если обратиться к научным расчетам, мы всегда сможем упрекнуть себя за недостаток важной для экономической науки интуиции и за то, что мы не более дальновидны, чем политики. Мы даже можем обвинить себя в причастности к интеллектуальной атмосфере, навлекшей текущую катастрофу. Но светлой стороной является то, что кризис повысил жизнеспособность экономики и осветил спектр вопросов, многообещающих, актуальных и волнующих. Они простираются от способности рыночной системы справляться с рисками, взаимосвязями и неудачами, порождаемыми процессом

созидательного разрушения, до аспектов улучшения структуры регулирования и соотношения основополагающих институтов и функционирования рынков и организаций. Очень маловероятно, чтобы в грядущем десятилетии подающие надежды молодые экономисты обеспокоились поиском новых актуальных вопросов, подлежащих проработке.

Уроки нашего интеллектуального наследия

Хотя различные ранее нами поддерживаемые концепции нуждаются в переосмыслении, некоторые другие принципы, являющиеся частью нашего интеллектуального наследия, представляют ценность для понимания того, как мы достигли успеха, и для предупреждения наиболее грубых политических ошибок в ходе предпринимаемых нами — и, что еще более важно, политическими деятелями — попыток преодоления кризиса. Возможно, не удивительно, учитывая мой собственный интеллектуальный багаж, что я считаю эти принципы относящимися к экономическому росту и политической экономии.

Во-первых, очевидно, что мы должны обращать внимание на аспекты экономического роста. Если не говорить об абсолютном крахе глобальной системы, даже при ужасающей свирепости глобального кризиса величина возможных потерь ВВП для большинства стран колеблется в пределах пары процентных пунктов, при этом большая их часть, должно быть, неизбежна, учитывая чрезмерное расширение экономики за предшествующие годы. Напротив, умеренный характер изменений экономического роста приведет в целом к гораздо более внушительным цифрам в пределах одного-двух десятилетий. Таким образом, с точки зрения перспективы политики и благосостояния, должно стать само собой разумеющимся, что незначительный экономический рост в сочетании с текущим кризисом — плохая альтернатива.

Экономический рост заслуживает нашего внимания не только в связи с его большой ролью для значений показателей благосостояния, но и из-за того, что множество аспектов роста и его основных источников довольно хорошо понятны. Существует общее взаимное согласие в теоретическом и эмпирическом плане по поводу роли физического капитала, человеческого капитала и технологии в определении выпуска продукции и роста. Но в равной степени мы также понимаем роль, которую играют инновации и перераспределение в распространении экономического роста, и осознаем широту границ институциональной структуры, создающей возможности инновационной деятельности, перераспределения и долгосрочного роста.

Недавние события не поколебали уверенности в значимости инноваций. Наоборот, в течение двух последних десятилетий мы наблюдали процветание, обусловленное стремительным развитием инноваций — совершенно независимо от финансовых затруднений и «мыльных пузырей». Мы стали очевидцами того, как с головокружительной быстротой развивались инновации в области программного и аппаратного обеспечения, телекоммуникаций, фармацевтики, биотехнологий, развлечений, розничной и оптовой торговли. На счет этих инноваций приходится основная доля роста совокупной производительности, наблюдавшегося на протяжении двух последних десятилетий. Даже инновации в финансовой сфере, репутация которых до некоторой степени пострадала в ходе текущего кризиса, в большинстве своем обладают социальной ценностью и, в свою очередь, способствовали росту. Комплексными ценными бумагами злоупотребляли с целью принятия на себя рисков, связанных с понижательной тенденцией изменения их стоимости, который несли доверчивые контрагенты. Однако, будучи должным образом регулируемы, они также делают возможным применение более изощренных стратегий диверсификации и перераспределения рисков. Они уже позволили фирмам снизить цену капитала и, в конечном счете, позволят осуществить это опять. Технологическое превосходство — ключ к успеху и процветанию капиталистической экономики. Инно-

вазии, их внедрение и продвижение сыграют главную роль в росте восстановленной экономики, который сменит текущий кризис.

Другая опора экономического роста — это перераспределение. В связи с тем, что появление инноваций зачастую принимает форму созидательного разрушения, оно запускает механизм производственного процесса, а фирмы, опирающиеся на старые технологии, замещаются новыми. Однако это лишь один аспект капиталистического перераспределения. Волатильность, являющаяся характеристикой рыночной экономики, также проявляется в постоянных изменениях того, какие компании отличаются более высокой производительностью и какие услуги пользуются большим спросом. Такая волатильность, сегодня, возможно, усиленная более чем когда-либо возросшей глобальной взаимосвязью, является не напастью, с которой мы должны бороться, а главным образом — благоприятной возможностью для рыночной экономики. Путем перераспределения ресурсов в те сферы, где существует производительность и спрос, капиталистическая система может использовать волатильность в своих интересах. Разработки двух последних десятилетий, опять-таки, пролили свет на важность перераспределения, поскольку экономический рост, как правило, сопровождался оттоком рабочей силы, капитала и производственных возможностей от многих авторитетных компаний к их конкурентам, нередко иностранным, а также из отраслей, в которых Соединенные Штаты и другие развитые страны утратили свои конкурентные преимущества, туда, где эти преимущества стали сильнее.

Последний принцип, который я бы хотел особо подчеркнуть, связан с политической экономией роста. Экономический рост будет иметь место, только если общество формирует институты и политику, направленные на поддержание инноваций, перераспределения, инвестиций и образования. Но эти институты не следует воспринимать как нечто само собой разумеющееся. В связи с тем, что перераспределение и созидательное разрушение порождаются экономическим ростом, всегда будут существовать стороны, как правило, достаточно сильные, противодействующие определенным перспективам экономического роста. Во многих слаборазвитых в экономическом отношении странах ключевой аспект политэкономии роста состоит в обеспечении гарантий того, чтобы действующие производители, элита и политики не подрывали политическую программу и не создавали среду, враждебную экономическому прогрессу и росту. Другая угроза институциональным основам экономического роста исходит от его конечных бенефициариев. Созидательное разрушение и перераспределение наносит ущерб не только укрепившимся коммерческим предприятиям, но и их работникам и поставщикам, иногда даже уничтожая источники средств к существованию миллионов рабочих и крестьян. Довольно естественно в таких случаях для доведенного до бедности населения, страдающего от неприятных потрясений и экономических кризисов — в особенности в обществах, в которых политическая экономия никогда не могла породить эффективную сетку безопасности, — обратиться против рыночной системы и поддерживать популистскую политику, которая будет создавать барьеры для экономического роста. Эти опасности так же важно учитывать странам с развитой экономикой, как и слаборазвитым странам, в особенности в разгар текущего экономического кризиса.

Значимость политической экономии также была подчеркнута недавними событиями. Затруднительно рассказывать о провале регулирования инвестиционных банков и финансовой отрасли в целом на протяжении двух последних десятилетий, и о плане финансовой помощи, утвержденном без каких-либо ссылок на политическую экономию. Соединенные Штаты не Индонезия при правлении Сухарто и не Филиппины под властью Маркоса. Но нам не нужно ударяться в такие крайности, чтобы понять, что, когда финансовый сектор выделяет миллионы на избирательные кампании сенаторов и конгрессменов, он будет оказывать сильное влияние на политику, являющуюся для

него источником средств к существованию, или что, когда инвестиционные банкиры бесконтрольно устанавливают — или отказываются установить, в зависимости от обстоятельств, — регулирующие нормы для своих бывших партнеров и коллег, есть вероятность, что это приведет к политэкономическим проблемам. Также нелегко представить себе сценарий, согласно которому на текущую и будущую политику не повлияет сильнейшее предубеждение в отношении рынков, которое ощущают в данный момент те, кто лишился жилья и средств к существованию.

Несуществующие уроки

Разработка стратегии сдерживания и преодоления глобального кризиса принимает во внимание множество экономических факторов. Но явное пренебрежение их вкладом в долгосрочный экономический рост, инновации, перераспределение и политическую экономию в итоговых дебатах слишком бросается в глаза.

Масштабный план стимулирования, включающий финансовую помощь банкам, финансовому сектору в целом, производителям автомобилей и прочим, несомненно, повлияет на инновации и перераспределение. Не то чтобы причины поддерживать стимулирующий план отсутствовали, но важно полностью учитывать его последствия. Перераспределение, совершенно ясно, пострадает в результате многих аспектов текущего стимулирующего плана. Рыночные сигналы говорят о том, что труд и капитал должны быть перераспределены от детройтской «большой тройки», а высококвалифицированный труд — от финансовых отраслей в пользу более инновационных секторов. Это последнее перераспределение имеет ключевое значение ввиду того факта, что Уолл-стрит привлекал множество лучших (и наиболее амбициозных) умов на протяжении двух последних десятилетий; сегодня мы осознаем, что хотя эти ясные молодые умы внесли вклад в финансовые инновации, они также использовали свой талант для разработки новых методов принятия на себя крупных рисков, понижательную тенденцию которых они бы не преодолели. Прекращение перераспределения также означает пресечение инновационной деятельности.

Существует еще несколько дополнительных областей потенциально инновационной деятельности, которые могут непосредственно пострадать в результате текущего кризиса и нашей ответной политики. Усовершенствования в сфере розничной и оптовой торговли и оказания услуг, несомненно, пойдут на спад, как и заключение потребительских контрактов. Ключевая инновационная отрасль на ближайшее десятилетие и в дальнейшем, энергетическая, также может пострадать. Спрос на альтернативные источники энергии был устойчив до кризиса и предвещал подготовку фундамента, подобного тому, как это имело место в сферах электронно-вычислительной техники, фармацевтики и биотехнологии, с мощной синергией между наукой и прибылью. В связи со снижением цен на нефть и негативным отношением к сильному повышению налога на бензин некоторые из импульсов, несомненно, оказались утрачены. Если финансовая помощь не привязана к соответствующей реорганизации автомобильных компаний, то другая важная перспектива — переход на энергосберегающие технологии — также окажется расточительной.

Всех этих доводов недостаточно для того, чтобы заставить нас воздержаться от претворения комплексного плана развития стимулов. На мой взгляд, однако, причина этого связана не со смягчением рецессии, а, опять-таки, с экономическим ростом. Риск, с которым мы столкнулись, — это опасность «ловушки ожиданий» — потребители и политики приобретают пессимистический настрой в отношении будущего роста и перспектив рынков. Мы не постигли сущности ловушек ожиданий в достаточной мере для того, чтобы сказать наверняка, как они возникают и как влияют на экономическую динамику. И все же это не отменяет их опасности. То, что потребители отсро-

чивают покупки товаров длительного пользования, может оказать сильные эффекты, в особенности когда уровень цен на наличные товары уже повысился, а кредиты стали малодоступны. Ловушка ожиданий такого типа углубит и удлинит фазу рецессии и вызовет повсеместный крах коммерческих предприятий и их ликвидацию, а не столь необходимые созидательное разрушение и перераспределение.

По моему мнению, однако, более значительная опасность, исходящая от ловушки ожиданий и глубокой рецессии, заключается в другом. Мы можем заметить, что потребители и политики приобретают уверенность в том, что свободные рынки повинны в экономических болезнях сегодняшних дней, и перестают поддерживать рыночную экономику. Затем мы обнаружим, что маятник раскачался слишком сильно, и это привело нас к эпохе интенсивного государственного вмешательства, вместо требуемого обоснованного регулирования свободных рынков. Я убежден, что такое «раскачивание» и антирыночная политика, которую оно принесет, будет представлять реальную угрозу для перспектив роста глобальной экономики. Первым шагом станет введение ограничений на торговлю товарами и услугами. Промышленная политика, препятствующая перераспределению и инновациям, станет вторым одинаково разрушительным шагом. Когда разговор заходит о спасении и протекционизме избранных отраслей, до более систематических предложений касательно торговых ограничений и промышленной политики может оказаться рукой подать.

Комплексный план стимулирования, даже со всеми своими недостатками, возможно, является лучшим способом предотвращения этих опасностей, и, если взвесить все «за» и «против», для ученых-экономистов, так же как для любого интересующегося человека, найдется достаточно причин оказывать поддержку определенным мерам, в качестве страховки от худших результатов, которые могут иметь место. Тем не менее, детали плана развития стимулов должны быть разработаны таким образом, чтобы минимизировать нарушение процессов перераспределения и внедрения инноваций. Жертвенный рост исходя из нашего страха перед настоящим будет такой же жестокой ошибкой, как и бездействие.

Нельзя сбрасывать со счетов риск того, что вера в капиталистическую систему разрушится. В конце концов, два последних десятилетия были провозглашены триумфом капитализма, так что их горькие последствия должны восприниматься как провалы капиталистической системы. Не стоит удивляться, что я не согласен с этим выводом: я не думаю, что успех капиталистической системы может основываться на нерегулируемых рынках. Как я уже отмечал выше, то, что мы сейчас переживаем, — это провал не капитализма или свободных рынков как таковых, а именно нерегулируемых рынков — в частности, нерегулируемого финансового сектора и управления рисками. В сущности, это не должно уменьшать наш оптимизм в отношении потенциала экономического роста рыночных экономик — если только эти рынки имеют прочную институциональную основу. Но поскольку риторика двух последних десятилетий установила знак равенства между капитализмом и отсутствием регулирования, то этот нюанс не оценит множество людей, потерявших дом и работу.

Негативная обратная реакция, таким образом, становится неизбежна. Вопрос в том, как ее сдержать. Однако политическая реакция последних нескольких месяцев только усугубила ситуацию. Одно дело — когда население в целом полагает, что рынки функционируют не настолько хорошо, как обещали ученые мужи. Совершенно другой уровень разочарования для них — думать, что рынки — это лишь оправдание для богатых и влиятельных людей, набивающих карманы за счет остальных. Но как могут они мыслить иначе, если финансовая помощь предназначается банкирами для того, чтобы помочь банкирам же и в первую очередь минимизировать урон тех, кто ответствен за этот крах?

Здесь не место формулировать конкретные предложения для усиления стимулирования размеров финансовой помощи, да и соответствующими компетенциями я не располагаю. Хотя экономическая профессия отчасти причастна к зарождению текущего кризиса, у нас все еще есть что сказать политикам. Это касается не деталей плана финансовой помощи, по поводу которого многие ученые мужи все же слишком резко выражают свое мнение, а долгосрочной перспективы. Мы должны открыто высказываться, акцентируясь на последствиях текущих политических предложений по поводу инноваций, перераспределения и политико-экономических основ капиталистической системы. Экономический рост должен стать центральным пунктом дискуссии, а не запоздалой мыслью.